

К ЗРИТЕЛЮ— С ДОВЕРИЕМ

Театр идет навстречу ожиданиям, избегая пошлости, скороговорок, форсированных интонаций и подчеркнутой жестости. Может быть, поэтому внешний образ многих постановок Каунасского драматического театра не выглядит подчеркнуто ярким, а, наоборот, кажется скучным и даже чуть-чуть статичным. Вот «Шарунас» — спектакль, поставленный Я. Вайткусом по произведению В. Кресе. Легенду о князе Дайвисском актеры скорее рассказывают, чем играют, — звучат обращения в зал монолога и хоры, смеются друг друга искусно высказанные режиссером извращения, будто галереи в старинной книге. Речь идет о войне, о том непонятном зле, которое она несет с собой, но на сцене не показано ни одного сражения. Создателям спектакля удалось достичь истинный смысл происходящего, не желая распылять его.

Если от здания театра в Каунасе подняться на улицу Саломеи Нерис, то попадешь в музей Чюрлёниса. Там выставлены его знаменитые картины, одна из которых называется «Прошлое». На полотне — необычного очертания скала, сквозь расщелину которой прорывается ослепительный солнечный луч, освещающий все вокруг, проливая дивные краски травы, воды, неба. Аллегория ясна — прошлое, правильное его понимание должно помогать человеку жить сегодня. Тут можно увидеть перекличку со спектаклем «Шарунас», где события истории представлены не костюмно-этнографически, а с точки зрения современника, пытающегося взглянуть на свою родословную.

Князь Шарунас играет Ю. Будрайтис. Два года назад он, будучи уже известным актером, снявшись во многих фильмах, впервые вышел на сцену. Жюст Будрайтис в Вильнюсе, а играть ездит в Каунас, где исполняет главные роли в двух спектаклях — «Шарунас» и «Стрелетеле Сольнес» Ибсена. Добавим, что в Каунас же смотреть его в этих ролях люди едут из Вильнюса, Риги, других городов, что, кстати, совсем неудивительно для Литвы, где хорошо помнят, как в свое время театр небольшого города Паневежиса собирал зрителей буквально со всех концов страны. В Шарунасе—Будрайтисе есть нечто и от Гамлета, и от Ричарда III Шекспира; это незадачная личность, в которой борются диктатор-правитель и человек, ясно осознающий трагические противоречия бытия. Столь же полнокровно играют в спектакле А. Масюлис, Р. Сталишяйтис и другие.

И вновь память несколько обращается к картинам Чюрлёниса. «Истина», «Мысль», «Печаль» — в этих работах художник осмысливает самые общие и сложные категории бытия, пытается запечатлеть то или иное состояние человеческого духа, оттенки восторгов. Подобные творческие устремления отчетливо просматриваются и в работе литовских деятелей театра. Даже когда Я. Вайтус ставит острую психологическую драму Ю. Глиньскаса «Книг» (действие ее происходит в интервале для малолетних преступников), чувствуется, что дорожке всего ему те моменты, когда герои пьесы постигают смысл свободы, любви.

Когда другой режиссер — Г. Падягимас — обращается в трагикомедию А. Стриндберга «Кредиторы», он прежде всего заботится о создании необходимой атмосферы спектакля и добивается успеха. Кстати, «Кредиторы» — своего рода сценический диалог в репертуаре театра, существуют два состава исполнителей и соответственно две разные по концепции постановки этой пьесы. Один из них — мо-

ТЕАТР

В фойе Каунасского театра — выставка эффов. Зрителю интересно рассмотреть на стенах белая анкета булан, на которых изображены странные пейзажи старое море, причудливые коллокации — размытые художники по поводу любви, человека, природы... Так, еще до начала спектакля настроившись на смысловой лад и ждешь на размышления — открывания.

лодежный». Это актеры Ю. Оняйтис, Р. Вайдотас и В. Масюлис, которые играют своих героев на столь высоком эмоциональном накале, что заставляют забыть о том, что действие происходит на прибалтийской сцене, традиционно считающейся сдержанной в проявлении чувств.

Театры республики вообще радуют обилием молодых имен. Так, драматический коллектив в Шауляе возглавляет сегодня режиссер С. Варнас, а недалеким прошлым — выпускник Ленинградского института театра, музыки и кино. Одна из наиболее интересных его работ — спектакль «Луна, или Смерть Жака» по пьесе Э. Радзинского. В этом сочинении, посвященном судьбе декабриста Михаила Лунина, осмысливается один из интереснейших в дорогах нам моментов отечественной истории, идет серьезный, страстный разговор о долге человека перед своей родиной, о чести и мужестве.

...Сцена убрана намеренно скупо: решетка тюремной камеры, где вскоре будут окончены дни «государственного преступника» Лунина, прошедшего в невольные двадцать лет, перевернутое колесо, в только мерцающие вокруг в высоком небе звезды напоминают о вечной красоте жизни, ее надеждах и радостях. Перед героем проходит весь его путь, тернистый путь познания: казавшийся бесконечным был молодости, когда ему, блестящему кавалергарду, были доступны все земные блага, потом — краткие звездные часы борьбы, гордого вызова самодержавной власти и, наконец, долгие годы тюрьмы, мучительных раздумий и горестных прозрений. В финале, перед лицом смерти, исчезает страшный хорост масок и мушкетеров, за которыми пряталась палачи, и на сцене остается только Она — его неутоленная, отмытая судьбой любовь, одного мгновения которой хватило на всю жизнь.

Об истинной цене сценического слова лучше всего говорит тот отклик, который это слово вызывает в людях. Так вот: Шауляй — небольшой город, но, хотя спектакль идет здесь уже третий сезон, он по-прежнему собирает полный зал. И дорогого стоит то напряженное внимание, с которым слушают зрители Лунина (артист С. Янубаскас) — человека, жадно размышляющего о своем предназначении, смысле своего пребывания на земле. Так обретает на сцене кровь и плоть, легко преодолевая давнишнюю временную, языковые барьеры, «даю высокое стремление»...

Успех этого спектакля свидетельствует о несомненном интересе литовских зрителей к произведениям современных советских драматургов, а том числе и из других республик. Хотя справедливости ради надо сказать, что многонациональная советская драматургия могла бы быть более широко представлена в репертуарах тех театров, о которых идет речь.

В своих исканиях молодые постановщики явно тяготеют к театру философскому, зачастую оперирующему абстрактными понятиями, признавшими прояснять глубинный смысл

жизни. Однако это не мешает видеть, сколь разными их режиссерские пометки. Всего второй год работы в Вильнюсском молодежном театре Э. Некрошюс, учившийся режиссуре в московском ГИТИСе у А. Гончарова, но его спектакли не остались незамеченными. Один из них — «Ковчег за дверью» Г. Канонича и С. Шалтыниса.

...Для того чтобы милая, скромная женщина — учительница Милда (Д. Омерайте) — почувствовала теплоту и заботу близких, повдвинулась... по ошибке напечатанным в газете некролог, извещающий о том, что она якобы умерла. Такая вот трагикомическая ситуация лежит в основе пьесы, поставленной режиссером с щедрой фантазией. Он делает спектакль выпукло, смело, используя каждый кусочек сценического пространства, сочетая элементы фарса с тонкими психологическими ходами. Эта постановка напоминает коллаж, открытый мир дризм одних сцен соседствует с ней с балаганным, подчеркнуто гротескным решением других.

Отличительной чертой репертуара литовских театров является то, что в нем отсутствуют пьесы-однодневки, например, немисские художественные достоинства комедии, широко ладушие на некоторых других сценах под тем предлогом, что «зрителю это нравится». Вызывает уважение и афиша Вильнюсского русского драматического театра — серьезностью тех задач, которые ставит перед собой коллектив. Здесь активно работают с молодыми драматургами А. Казинцевым, В. Мережко и другими.

Спектакли, увидевшие на литовской сцене, хочется прежде всего определять как строгие, серьезные, рассчитанные на напряженный труд души тех, кто находится в зале. Это вовсе не означает их жанрового однообразия — комедии «Ковчег за дверью», например, то и дело сопровождается взрывами смеха, а детская постановка «Мери Попинс» в Каунасском театре аса замешена на шутке и легкой, развлекательной музыке. Так что «потехе» здесь отдается традиционный «час», но не вечер за вечером, как это еще случается.

Создателям постановок, с которыми удалось познакомиться, отнюдь не стремятся ошеломить зрителей дерзостью приема и невиданной доселе формой, они пытаются выразить себя, используя в основном тот набор средств, который уже усвоила отечественная и мировая сцена. И это им удается. Ничего особенного как будто не происходит, стоит перед рамкой актер, смотрит в зал, но живая душа его в этот момент столь драматична и обнажена, что зал замирает и зевает тишиной, как это всегда бывает на удавшемся спектакле, мгновения которого аккумулируют энергию мысли режиссера, артистов, всех, кто работал с ними.

Ну а все-таки, чего ждешь от театра зритель? Тот самый зритель, которому приходится ежедневно решать сложнейшие проблемы в доме, в на работе, справляться со стрессами и перегрузками, который в вечеру, а моменту начала спектакля действительно уже устал. Достает ли у него сил на потрясение?

...После «Шарунаса» в режиссеру Вайткусу подомла худенькая женщина в легком пальто. «Пожалуйста, передайте эти акты артистам, — попросила она. И добавила: — Сама я из Ленинграда, приехала к вам всего на один день — посмотреть спектакль. Спасибо. А когда новая премьера?»

Н. АГИШЕВА.

(Спец. корр. «Правды»). г. Вильнюс.

ПРАВДЫ

29 июля 1981